

А.В. Парибок

О ГЛАВНЫХ ОТЛИЧИЯХ ИНДИЙСКОЙ НАУКИ О МЕТОДИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ ОТ ЗАПАДНОЙ ТРАДИЦИИ ЛОГИКИ*

Парибок Андрей Всеволодович – научный сотрудник центра исследования философии и культуры Индии «Пурушоттама». Российский университет дружбы народов. Российская Федерация, 117196, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; e-mail: watanparast@mail.ru

Индийские традиции методической рациональности (ньяю и др.) ни исторически, ни по существу неверно именовать «индийской логикой». Изобретенная Аристотелем логика – сложная, структурная дисциплина со своим объектом и рядом правил. Ничто сложное не могло быть изобретено в истории мысли дважды в совпадающем виде. Названы и проиллюстрированы важнейшие отличия индийского варианта методической рациональности от западной логики. 1. Различение пользования умом для себя и в коммуникации. 2. Теория и типология рациональных познавательных актов (праман). 3. Схема изоморфизма между множеством индивидуальных актов познания и речевой коммуникацией о них. 4. Формальный учет надобности и целесообразности актов познания. 5. Отсутствие увлеченности формализмами и невозможность отделить эту науку от изучения и нормирования хорошего мышления. 6. Трактовка доказательства не только как специфической связности утверждений, но и как коммуникации. 7. Отсутствие (полускрытой) западной идеализации, полагающей единую мыслящую субстанцию.

Ключевые слова: типология разума, методическая рациональность, ньяя, праманавада, рациональность, логика, логический вывод, силлогизм, индийская философия, объяснение, доказательство

Для цитирования: Парибок А.В. О главных отличиях индийской науки о методической рациональности от западной традиции логики // Философский журнал / Philosophy Journal. 2024. Т. 17. № 1. С. 73–83.

* Статья подготовлена при поддержке Мегагранта Минобрнауки (VIII очередь) № 075-15-2021-603 «Разработка методологии и интеллектуальной базы нового поколения по изучению индийской философии в ее соотношении с другими ведущими философскими традициями Евразии», а также при поддержке гранта № 104701-2-000 «Познавательные стратегии основных философских традиций Евразии» Программы стратегического академического лидерства РУДН «Приоритет-2030».

Обоснование

В историко-философских индологических исследованиях и переводах с санскрита (а также тибетского) текстов, привычно относимых к предмету «индийская логика», давно нет недостатка. Буддийскими трактатами по данной предметной области уже более ста лет назад плодотворно занялся отечественный классик Ф.И. Щербатской¹, индуистская же традиция санскритских текстов по этой теме была в те же годы впервые представлена переводами выдающегося пандита Ганганатха Джхы на английский²; в 1921 и 1930 гг. вышли обстоятельные книги А.Б. Кита и Рэндла³. С тех пор регулярно появляются многочисленные статьи, издано также немало переводов и монографий общего и частного характера⁴. Однако обратим внимание на то, как в этой литературе, несомненно представляющей собою большую ценность, определяется ее предмет.

Оказывается, здесь есть три варианта: исследователи и переводчики могут просто пользоваться санскритскими терминами (для индуистской традиции это *puṣya*, для буддийской – *pramāṇavāda*); в большинстве случаев применяется европейское понятие «логика» (а также термины «посылка», «силлогизм», «термин», «суждение» и др.); наконец, по меньшей мере однажды, у Ф.И. Щербатского, в заглавии его давнего труда значилось «Теория познания и логика по учению позднейших буддистов». Тем самым автор, похоже, видел проблему в точном определении предмета своего изучения, хотя несомненно, что свою роль сыграло также его стремление сблизить буддийский подход с неокантианством, благодаря чему он рассчитывал (в целом, как оказалось, напрасно) привлечь внимание отечественных и западных философов к теме. Впрочем, уже в английском переработанном варианте его труда в заглавии стоит просто «Buddhist Logic». Такое видение авторами предмета их интереса я считаю не вполне философским и выдвигаю два аргумента в подкрепление своего тезиса. Во-первых, историко-терминологический: логикой в исторически точном смысле слова можно считать только дисциплину, изобретенную Аристотелем и затем транслируемую⁵ и развивающуюся вплоть до наших дней. Именно преемственность легитимизирует употребление слова «логика» применительно к математической и современной символической логике, несмотря на огромное отличие их от так называемой «традиционной» логики. Упомянутые же выше индийские традиции исторически полностью независимы от греческой и позднейшей западной дисциплины. Второй аргумент – содержательный. Несомненно, что наша западная традиционная наука логики представляет собой достаточно

¹ Доступное переиздание: *Щербатской Ф.И.* Теория познания и логика по учению позднейших буддистов. Ч. I–II. СПб., 1995.

² См. доступное переиздание: *The Nyāyasūtras of Gotama*. Vol. 1. Delhi, 1984. Первое издание (в нескольких томах) вышло в 1912–1919 гг.

³ *Keith A.B.* Indian Logic and Atomism. Oxford, 1921; *Randle H.N.* Indian Logic in Early Schools. L., 1930.

⁴ См., к примеру: *Ingalls D.H.H.* Materials For The Study of Navya-Nyāya Logic. Cambridge (Mass.), 1951 (рус. пер.: *Инголлс Д.Г.Х.* Введение в индийскую логику навья-ньяя. М., 1975); *Goekoop C.* The Logic of Invariable Concomitance in the Tattvacintāmaṇi. Dordrecht, 1967; Ньяя-сутры. Ньяя-бхашья. М., 2001; *Vattanky J.* A System of Indian Logic. The Nyāya Theory of Inference. N.Y., 2003.

⁵ В том числе в арабоязычной традиции, в которой греческий термин был переведен.

сложный предмет – совокупность первоначальных и далее обогащавшихся методов, приемов, терминологии, свое особое и как-то обосновываемое членение этого предмета, о котором свидетельствуют уже общие черты оглавления удачных учебников традиционной логики, и т.д. У нас, далее, нет никакой надежды, что нечто настолько сложное могло быть изобретено в культурной истории человечества дважды независимо и при этом тождественным образом. Даже в случае гораздо более простых изобретений – для примера возьмем холодное оружие – при большом сходстве меча, сабли, ятагана, рапиры и катаны приемы владения ими существенно различны. Что уж говорить о куда более сложном. Следовательно, если и есть так называемая «индийская логика», то она непременно будет в каких-то существенных чертах отличаться по предмету и методу от всех вариантов западной традиции логики. Вдобавок, выражение «индийская логика», покуда оно понятийно не прояснено, явно навевает свою языковую форму ассоциацию с пресловутой «женской логикой», а эту последнюю все те, кто пользуется данным выражением, считают, конечно, не логикой, а неким специфичным вариантом коммуникации, вся специфичность которого как раз нелогична. Так что устройство «индийской логики», ее основные предпосылки и установки требуют особого рассмотрения, и сугубое внимание при этом следует уделить отличиям ее от изобретения Аристотеля. А разбор предпосылок – это как раз типично философское занятие.

1. Рамка «логики» – логос и его отсутствие в Индии

Как в Греции, так и в Индии предмет нашего интереса признается принадлежащим к философии. Впрочем, нелишне отметить, что сам термин «философия», предложенный Пифагором как название греческого интеллектуального изобретения, не беспроblemемен в приложении его к самобытной индийской интеллектуальной традиции⁶. Философия же возникает как самостоятельная область высшей культуры в условиях уже сформировавшегося цивилизационно-специфичного типа рациональности, иначе говоря, типа разума. Теорию таких типов автор данной статьи развивает достаточно давно⁷. Здесь нам требуется назвать важную исходную черту отличия западного

⁶ См. обзор попыток как индийцев колониальных времен, так и европейских индологов найти санскритский эквивалент греческой «философии» в кн.: Хальбфас В. Индия и Европа. Опыт понимания. М., 2022. С. 288–334 (гл. 15 и 16).

⁷ Отдельные грани этой теории рассмотрены мной в ряде статей: Парибок А.В. Перечень базовых предметов ньяя как методологическая схема мыслительной деятельности // История философии / History of Philosophy. 2000. № 7. С. 97–108; Он же. О различии в формализации логики у индийцев и греков в связи с различием порядка слов в предикации // Философский журнал / Philosophy Journal. 2022. Т. 15. № 4. С. 35–42; Он же. Смысл слова и денотат слова. О расхождении греческой и индийской философий в разных направлениях // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XXVI (2). Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. СПб., 2022. С. 911–923; Парибок А.В., Псху Р.В. Ведущие философские традиции Евразии: лингвокультуральный подход // От сравнительной к межкультурной философии. М., 2022. С. 338–348; Пружинин Б.И., Лекторский В.А., Бородай С.Ю., Касавина Н.А., Конев В.А., Михайлов И.Ф., Павлов-Пинус К.А., Парибок А.В., Псху Р.В., Рыскельдиева Л.Т., Смирнов А.В., Солондаев В.К. Концепция «логики смысла» А.В. Смирнова и философия сознания (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2022. № 6. С. 5–44.

(исходно греческого) и индийского типов. Греческий характеризуется действительностью логоса как занятия *общеобязательного, центрального* для полноценных носителей этого типа рациональности, объединяющего их. При занятии логосом – рассудительным обсуждением или рассудительным размышлением без собеседников – индивидуум специфически соединяет свои способности «ума» (управляет содержаниями сознания) и «речи» (выражает их языковыми средствами). Логосная выучка образованного носителя такой рациональности приводит к тому, что он пользуется своим рассудком, оформляющим речь, в общении с другими и в одиночестве примерно одинаковым образом, а если (что правдоподобно) фактические отличия имеются, то они им или не осознаются, или понимаются как недостатки, подлежащие преодолению в пользу соблюдения норм речи, рассчитанной на присутствие рассудительных собеседников. Отсюда огромная рас пространенность в европейской культуре, начиная с античности, писания дневников и литературного жанра исповеди. Ни того, ни другого в индийском типе разума не существовало и не требовалось.

Теперь напомним, что *логика* – это исходно в греческом языке прилагательное («логосная»), к чему добавляется существительное «знание, наука» (эпистеме), конечно, закрепляющая применение логоса.

Для индийского же ума фундаментально иное умение: быть внимательным и не упускать ничего важного из разворачивающихся перед ним, все равно, во внешнем ли мире, в когитациях ли, в воображении, событий – как осмысленных речей, так и обращения с вещами по ходу деятельности.

Отсутствие логоса как центрального занятия (при этом, разумеется, применять свою способность к рассуждению культурные индийцы отлично могли, но лишь когда это требовалось существом дела, а не почти без разбору, как поступает логосно развитый человек Запада) сказалось в том, что никакой унификации пользования рассудком и речью в двух разных ситуациях – для самого себя и в коммуникации – в Индии не случилось. Больше того, элитарная культура породила функциональный тип текстов, который можно и записать, и огласить, но рассчитанный на пользование только для себя и подражающий в существенных чертах внутренней речи. Теперь также ясно, что логика по исконному Аристотелеву замыслу в Индии безосновна и неуместна. Что же тогда такое соответствующие индийские трактаты? Они принадлежат к традиции полагания *методической рациональности*. Это выражение выглядит подходящим родовым названием двух видов – западной логики и вариантов *ньяи*.

2. Исходная интуиция индийского соответствия западной «логике».

Главное понятие: *прамана*

В каждый момент сознательной жизни сознание характеризуется некоторым содержанием (*pratyaya*), в индийской терминологии также «знанием» (*jñāna*). Среди них попадают такие, что о них для самого индивидуума ясно: дело в нем самом, а не в объекте, например, «суп переперчен»⁸. Они *ньяю* (т.е. индийскую методическую рациональность) не интересуют. Не попадают

⁸ В Европе эти фразы могли вызывать затруднения, ибо так называемые «суждения вкуса» – в строгом смысле не суждения о предмете.

в область интереса ньяи и никакие конкретные обстоятельства умственной жизни и деятельности индивидуума, приведшие его к познавательной задаче, важно лишь признание, что в типичном случае познание объекта зачем-то ему нужно. Зато ей интересны иные умственные события – производящие на индивидуума впечатление, что им получено (удовлетворительное или нет) знание о некотором предмете, на что, если оно удовлетворительно⁹, можно опереться в дальнейшей деятельности, имеющей шанс на успех. Когда это в самом деле оказывается так, такие события обретения знания (в буддийской школе *pramāṇavāda*) или же их ближайшая причина (в индуистской *ньяе*) называются *pramāṇa*. Индийская дисциплина методической рациональности имеет праману своим первым и главным понятием, то есть занимается исследованием и классификацией типов событий в уме, могущих привести к конкретно надежным для деятельности результатам¹⁰. Это первое важнейшее отличие ее от западной логики. Во всех значимых школах индийской философии к числу таких праман относят *anumāṇa* «вывод», совершаемый субъектом для своих нужд, почти всегда безо всякого оформления звучащей речью и тем самым не являющийся логосным событием. Вывод строго индивидуален, вне коммуникации, но вполне рационален. Например, взглянув в квартире в темное время суток на темное окно, видишь на стекле появляющиеся капли и делаешь правильный вывод: «За окном дождь» (и потому берешь зонтик). Итак, исходная индийская область бытования рациональности, «логичности» в самом общем смысле – это чья-то умственная жизнь. Такой подход избавил индийцев от трудного и в сущности пустого для них западного вопроса о том, дает ли логика новое знание. Ведь на Западе отправлялись, конечно, от коммуникации, безотчетно-некритически понимаемой как предельно общая рамка познания. Но очевидно, что почти всякое знание, о котором можно затем сообщить, сначала получено кем-то вне коммуникации.

Наряду с «выводом», в ньяе признаются такие праманы, как «восприятие»¹¹, знание со слов знатока¹² и знание, к которому ум приходит, впервые связывая новый объект с названием, о чем, упомянув сходство с известным объектом, ему сообщил знаток¹³.

⁹ Пример неудовлетворительного события знания – сомнение: «Пень иль волк?».

¹⁰ В предисловии из одного предложения к своему учебнику по праманаваде Дхармакирти пишет: «Всякому достижению человеком цели предшествует прамана».

¹¹ Платоническое возражение, что де о чувственных вещах не бывает знания, но лишь верное мнение, не имеет веса: знание индийцы понимают отнюдь не по-платоновски. А будь восприятие вообще неверным или хотя бы сильно ненадежным, невозможно было бы объяснить, как мы дожили до взрослости и не погибли в результате активности, начатой при доверии ложному восприятию (не отравились насмерть, не попали под машину и пр.).

¹² Даже любой математик знает о большинстве нужных ему и доказанных в науке теорем со слов знатоков: проверить все доказательства невозможно. Но это у него, конечно, знание.

¹³ Мне сообщили, что в степях Америки водится некий зверь койот, похожий на шакала. Встретив в Америке похожего на шакала зверя, я понимаю, что это койот.

3. Прагматичность: связь событий знания с общим применением рассудительности и принятия решения

Отметим еще одну важную черту ньяи, отличающую ее от «логики»: всегда имеется в виду, что знание обретается для чего-то, т.е. греческого идеала (я бы даже сказал, фикции) незаинтересованного познания как самоцели здесь нет. Западный учебный пример силлогизма о смертности Сократа воспринимался бы с недоумением: «Для чего и кому это нужно? Не лучше ли обсудить капли на оконном стекле, ведь бывает, что надо знать, брать ли зонтик». Если не учитывать прагматическое назначение знания, то чем обосновывать выбор этого, а не другого объекта для познания? Все без исключения варианты праман, в частности варианты вывода, всегда подразумевают некоторую ситуацию применения знания. Не учитывая и не поясняя этого, западные переводчики и комментаторы оставляют читателя в замешательстве. К примеру, один из трех вариантов вывода в буддийской школе логики, «вывод по способу бытия» (*svabhāvānumāna*), иллюстрируется автором так: «Это хвойное, потому что это можжевельник»¹⁴. Ситуацию применения результата такого причудливого вывода индийский автор оставил за текстом, благо его адресаты были к тому привычны, но европейский читатель в пояснении нуждается¹⁵. Итак: видя дерево, человек воспринимает его сразу и непосредственно как можжевельник, но не как абстрактное хвойное. И у него есть общее знание, что любые хвойные годятся в костер (в отличие от лиственных пород: ольха и рябина не годятся). А он намерен был разжечь костер, потому и потребовался названный вывод. Или второй пример. Вологжанин в Великом Устюге, видя прохожего, делает вывод: «Это приезжий, потому что это таджик». Ему понадобилось спросить дорогу к местной достопримечательности. Приезжего как приезжего заметить не удастся, а таджика – можно, и все таджики – приезжие. Таким образом, перед нами схема рационального и требующегося ситуацией познавательного акта.

4. Переход к коммуникативной ситуации: как делиться знаниями

Перехода к коммуникации в западной логике не делается, ибо она сразу положена как коммуникация особого рода, а потому ее коммуникативность затушевана. В индийской же методической рациональности наметить переход необходимо. В исторически первом варианте, в ньяе (чего нам будет здесь достаточно), рациональная коммуникация схвачена понятием «пятичленного высказывания», которое всеми исследователями трактуется как «пятичленный силлогизм». Но это, увы, почти очевидная и достаточно грубая ошибка как толкования индийской мысли, так и понимания основ Аристотелевой логики. В самом деле, Аристотель дает дефиницию силлогизма как особого логоса, в котором, если нечто положено, то другое с необходимостью следует из положенного. И потому силлогизму в Индии места нет в силу отсутствия понятия логоса и в исконном значении, как особого

¹⁴ Я лишь заменил для доходчивости породы дерева нашими.

¹⁵ Отсутствие пояснений в переводной литературе я приписываю единственно недопониманию самих исследователей.

занятия, и в важном вторичном, как специфичного для этого занятия сплава мысли с речевым выражением¹⁶. На деле же в ньяе поставили и решили совсем иную проблему¹⁷. Если все надежные события прихода к знанию ментальны и тем самым индивидуальны, то как осмыслить наблюдаемую возможность обмена знаниями (да и сохранения их)? В решении была предложена рабочая схема изоморфизма между множеством качественно разнородных ментальных актов, т.е. праман, и особо организованной речью, сообщаемой слушателю об имеющемся у говорящего знании. Из пяти компонент высказывания четыре моделируют одну из выше названных праман, а последняя подводит итог. Я приведу свою иллюстрацию данной схемы. Дело в том, что в исследовательской литературе безраздельно господствует банальное воспроизводство в языке перевода шаблонного индийского примера, в силу чего невозможно отделаться от неприятного подозрения: переводчики-исследователи столь посредственно освоили индийских авторов, что не в состоянии данную схему применить к иному материалу¹⁸. Итак, двое видят в зоопарке, как у тигра ритмично сокращается диафрагма, а затем зверь нечто изрыгает. У одного из свидетелей на лице написано тревожное недоумение, а другой ему сообщает: «[1] Тигр избавляется от шерсти в желудке, [2] ибо совершает движения диафрагмы. Подобное делают все кошачьи, [3] например, твоя кошка [вспомни!]. [4] И с тигром так же. [5] Поэтому так и есть». Здесь [1] моделирует знание со слов знатока и было бы таковым, если бы говорящий тут же замолк; [2] соответствует выводу и содержит обе предпосылки его, примененные недавно самим говорящим, когда он сообразил то, о чем теперь говорит (в вышеприведенном примере вывода было бы: «Потому что на стекле появляются капли, а это всегда свидетельствует о том, что идет дождь»); [3] – напоминание о восприятии, случившемся в опыте адресата; [4] – указание на сходство нового объекта (отрыгивание у тигра) с известным (то же у кошки).

5. Доказательство, объяснение и доведение до ума

Только огромная натяжка вкупе с недомыслием приводит к трактовке рассмотренного высказывания как доказательного силлогизма по первой фигуре (модус *barbara*): «Все кошачьи отрыгивают шерсть. Тигр относится к семейству кошачьих. Следовательно, он отрыгивает шерсть». В такой искаженной переделке в угоду своим привычкам пропала познавательная ситуация, да и сама надобность в ней отброшена; исчезло различие познавательной и коммуникативной ситуаций; опущена ссылка на имеющееся опытное знание (назначение которой европейские комментаторы, не понимая, считают свидетельством отсталой рациональности у индийцев¹⁹).

¹⁶ Добавлю, что технически силлогизм – это совокупность двух посылок и заключения, и все они – суждения. А в Индии нет понятия суждения, индийцы оперируют содержаниями знания как интенциональными объектами, не имея нужды различать, как на Западе, понятия и суждения.

¹⁷ Трудно, в самом деле, заметить решение проблемы, которою сам не задался.

¹⁸ В школьной ситуации это соответствует тройке с минусом: ученик якобы «доказывает» теорему, но утрачивает эту возможность, если повернуть чертеж и заменить буквы: он не понимает теорему саму по себе.

¹⁹ «Как ни полезна вещь, – цены не зная ей, / Невежда про нее свой толк все к худу клонит».

Наконец, стало неизвестно и неважно, кто и для чего оформил такую верную мысль. Однако верную по содержанию мысль, которая неизвестно зачем нужна, сомнительно счесть рациональной по обстоятельствам ее высказывания вслух. Индиец бы отметил: не исключено, что она была нехстати, помешала целесообразной деятельности, отвлекла, а тогда она нерациональна²⁰.

На деле же предложенная индийцами схематизация хотя и годится для употребления в качестве формы доказательства и многократно так применялась в текстах, но специфика ее не в этом. Ведь европейское понятие доказательства, развитое параллельно у Евклида, где оно называется дейксис, и Аристотеля, у которого апо-дейксис, полностью абстрагировано от учета чьего-то акта мысли. В объемлющей западной конструкции логоса этому соответствует отсутствие онтологического полагания отдельных познающих индивидуумов²¹. Логосное мышление в сущности едино, для этой содержательно-семиотической машины безразлично, на каком материале она работает: то ли на некотором множестве рассудительных, «логичных», собеседников, то ли на выдающемся уме одного автора, то ли, наконец, на базе данных, снабженной алгоритмом обработки, что именуется ИИ²². Эта же черта западной конструкции рациональности в конце концов привела к неизбежной и досадной элиминации изучения мышления из логики вообще (в символической и в математической логике): невозможно примириться, что мышление, этот важнейший предмет, остался отдан на откуп психологам.

Индийское применение пятичленной схемы как доказательства находит свое место в ситуации реального философского диспута (*jalpa* или *vitaṇḍā*) как интеллектуальной игры с нулевой суммой (оппонент сопротивляется моему тезису, а я продавливаю его доказательством) и в отражении его в композиции философских трактатов. Но более фундаментальная его функция – объяснение, как в примере с тигром. Именно в функции объяснения²³ его усваивают ученики профессора в ходе учебных внутришкольных диспутов-дискуссий (*vāda*), представляющих собой игру с ненулевой суммой: в результате обучения студент обретает знания и интеллектуальные умения, но профессор при этом ничего не теряет. У доказательств и такого рода объяснений как умственно-речевых целесообразных действий видно общее, но слова-термина для обозначения его в русском языке не нашлось. Предлагаю термин «доведение до ума» (*адресата*).

6. Еще одна претензия индийских теоретиков европейским логикам

Помимо отказа от рассмотрения в логике формы познавательных актов, неразличения мышления и коммуникации, пренебрежения тем, что познание совершается кем-то и в видах чего-то, индиец мог бы указать западному

²⁰ Индийские теоретики в своих предисловиях к трактатам непременно упоминают, зачем и кому надобно излагаемое ими ниже знание.

²¹ Если быть последовательным, то придется признать, что все доказательства уже от века есть в едином всеобщем уме, а через умы людей они лишь припоминаются.

²² Вместо наличия объектов для ума человека в случае ИИ будет обращение к какому-то фрагменту базы данных.

²³ Конечно, не всякого объяснения чего бы то ни было, а схематизированного объяснения простых обстоятельств, связанных с заметным признаком и тем незаметным, чего это признак.

коллеге, что с самого изобретения его дисциплины значительное число логических форм в сущности предназначалось для спорщицких надобностей, а не для логических, но об этом умалчивают, возможно, из лукавства. Известно же, что все модусы четырех фигур категорического силлогизма сводятся к модусам первой. Первая фигура в высшей степени естественна. При этом модусы третьей и особенно четвертой фигур тоже корректны, но выглядят противоестественно, и крайне сомнительно, чтобы при выяснении для самого себя некоего вопроса к ним кто-либо прибегал²⁴. Зато воспринимаются и оцениваются они заметно медленнее, и этим в споре с нулевой суммой, например в прениях в суде, можно с успехом воспользоваться, чтобы измотать оппонента²⁵. В индийской же методической рациональности, напротив, изначально разграничены цели применения участниками рассудка в коммуникации: выяснение сути вопроса характеризуется применением меньшего числа приемов, чем диспут ради победы, в котором затруднение оппоненту его задачи случается, желательно и рассмотрено в теории.

Заключение

Итак, ньяя и логика, имея большую область пересечения интересов и предмета, вовсе не совпадают по замыслу и предназначению. Правдоподобно, более того, что индийская традиция более соответствует общечеловеческой потребности правильно познавать и успешно рассуждать, чем европейская логика, погруженная в свой специфический профессионализм. В нашей современности, похоже, прогресс и умножение логических систем и исчислений во многом востребованы лишь самими логиками, а не всеми рассудительными людьми. В Индии такого не случилось, и мастерство в ньяе было и оставалось важнейшим признаком общей разумности индивидуума.

Список литературы

- Инголлс Д.Г.Х. Введение в индийскую логику навья-ньяя / Пер. с англ.; отв. ред. и авт. предисл. В.А. Смирнов. М.: Наука, 1975.
- Ньяя-сутры. Ньяя-бхашья / Ист.-филос. исслед., пер. с санскр. и коммент. В.К. Шохина. М.: Восточная литература, 2001.
- Парибок А.В. О различии в формализации логики у индийцев и греков в связи с различием порядка слов в предикации // Философский журнал / Philosophy Journal. 2022. Т. 15. № 4. С. 35–42.
- Парибок А.В. Перечень базовых предметов ньяи как методологическая схема мыслительной деятельности // История философии / History of Philosophy. 2000. № 7. С. 97–108.
- Парибок А.В. Смысл слова и денотат слова. О расхождении греческой и индийской философии в разных направлениях // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XXVI (2). Материалы чтений, посвященных памяти профессора

²⁴ Естественность или ее противоположность – это свойства аранжирования, упорядочения во времени содержаний, о которых умозаклучают, т.е. атрибуты последовательности актов ума. Но в науке логике эту последовательность (и вообще акты ума) игнорируют, хотя в применении этой науки самими рассуждающими она дает о себе знать.

²⁵ Я не намерен отрицать, что сам Аристотель рассмотрел модусы второй и третьей фигур ради общности и из склонности к комбинаторике. Но почему он тогда опустил контринтуитивную четвертую фигуру?

- Иосифа Моисеевича Тронского / Под. ред. Н.Н. Казанского. СПб.: ИЛИ РАН, 2022. С. 911–923.
- Парибок А.В., Псху Р.В. Ведущие философские традиции Евразии: лингвокультуральный подход // От сравнительной к межкультурной философии / Под. ред. М.С. Степанянц. М.: Наука, 2022. С. 338–348.
- Пружинин Б.И., Лекторский В.А., Бородай С.Ю., Касавина Н.А., Конев В.А., Михайлов И.Ф., Павлов-Пинус К.А., Парибок А.В., Псху Р.В., Рыскельдиева Л.Т., Смирнов А.В., Солондаев В.К. Концепция «логики смысла» А.В. Смирнова и философия сознания (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2022. № 6. С. 5–44.
- Хальбфас В. Индия и Европа. Опыт понимания / Пер. с англ. П.С. Анучин и др. М.: Direktmedia, 2022.
- Щербатской Ф.И. Теория познания и логика по учению позднейших буддистов. Ч. I–II. СПб.: Аста-пресс, 1995.
- Goekoop C. The Logic of Invariable Concomitance in the Tattvacintāmaṇi. Dordrecht: D. Reidel Publ., 1967.
- Ingalls D.H.H. Materials for the Study of Navya-Nyāya Logic. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1951.
- Keith A.B. Indian Logic and Atomism. Oxford: Clarendon Press, 1921.
- Randle H.N. Indian Logic in Early Schools. L.: Oxford University Press, 1930.
- Stcherbatsky Th. Buddhist Logic. Vol. 1–2. Delhi: Motilal Banarsidass Publ., 1993.
- The Nyāyasūtras of Gotama / Trans. into English by Gaṅgānātha Jhā. Vol 1. Delhi: Motilal Banarsidass, 1984.
- Vattanky J. A System of Indian Logic. The Nyāya Theory of Inference. N.Y.: RoutledgeCurzon, 2003.

About the main differences of the Indian science of methodical rationality from the Western logical tradition*

Andrei V. Paribok

RUDN University. 6 Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117196, Russian Federation; e-mail: watanparast@mail.ru

It is neither historically nor essentially correct to designate Indian traditions of methodical rationality (nyaya etc.) as “Indian logic”. The logic as invented by Aristotle is a complex, structural discipline with its own object and a number of rules. Nothing complex could have been invented twice in the history of thought in the same way. The most important differences between the Indian version of methodological rationality and Western logic are named and illustrated. 1. The distinction between using the mind for oneself and in communication. 2. Theory and typology of rational cognitive acts (pramana). 3. The scheme of isomorphism between a set of individual acts of cognition and speech communication about them. 4. Formal accounting of the necessity and expediency of acts of cognition. 5. Lack of enthusiasm for formalisms and a reluctance to separate this science from study and standardization of good reasoning. 6. Understanding of proof not only as a specific coherence of statements, but also as a communication. 7. The absence of a (half-hidden) Western idealization that posits a single thinking substance.

* The article has been prepared within the framework of the Agreement between the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Peoples' Friendship University of Russia No. 075-15-2021-603: “Development of the new methodology and intellectual base for the new-generation research of Indian philosophy in correlation with the main World Philosophical Traditions”. This paper has been supported by the RUDN University Strategic Academic Leadership Program (project No. 104701-2-000).

Keywords: typology of intelligence, civilization specific rationality, *nyāya*, *pramāṇavāda*, logic, inference, syllogism, Indian philosophy, rationality, explanation, proof

For citation: Paribok, A.V. “O glavnykh otlichyakh indiiskoi nauki o metodicheskoi ratsional’nosti ot zapadnoi traditsii logiki” [About the main differences of the Indian science of methodical rationality from the Western logical tradition], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2024, Vol. 17, No. 1, pp. 73–83. (In Russian)

References

- Gaṅgānātha Jhā (tr.) *The Nyāyasūtras of Gotama*, Vol. 1. Delhi: Motilal Banarsidass, 1984.
- Goekoop, C. *The Logic of Invariable Concomitance in the Tattvacintāmaṇi*. Dordrecht: D. Reidel Publ., 1967.
- Halbfass, W. *Indiya i Evropa. Opyt ponimaniya* [India and Europe: An Essay in Understanding], trans. by P.S. Anuchin et al. Moscow: Direktmedia Publ., 2022. (In Russian)
- Ingalls, D.H.H. *Materials for the Study of Navya-Nyāya Logic*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1951.
- Ingalls, D.H.H. *Vvedenie v indiiskuyu logiku nav’ya-n’yaya* [Materials for the Study of Navya-Nyāya Logic], ed. by V.A. Smirnov. Moscow: Nauka Publ., 1975. (In Russian)
- Keith, A.B. *Indian Logic and Atomism*. Oxford: Clarendon Press, 1921.
- Paribok, A.V. “O razlichii v formalizatsii logiki u indiytsev i grekov v sv’azi s razlichiyem por’adka slov v predikatsii” [On the difference in the formalization of logic by the Ancient Indians and Ancient Greeks in connection with the difference in word order under predication], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2022, Vol. 15, No. 4, pp. 35–42. (In Russian)
- Paribok, A.V. “Perechen’ bazovykh predmetov nyayi kak metodologicheskaya shema mysli-tel’noy deyatel’nosti” [The list of basic Nyāya padārthas as a scheme of intellectual activity], *Istoriya Filosofii / History of Philosophy*, 2000, No. 7, pp. 97–108. (In Russian)
- Paribok, A.V. “Smysl slova i denotat slova. O rashozhdenii grecheskoy i indiyской filosofii v raznykh napravleniyah” [The ideal sense of a word and the real meaning of it: the divergence point of the Ancient Greek and Indian Philosophies], *Indo-european linguistics and classical philology – XXVI (2). Proceedings of the 26th Conference in Memory of Professor Joseph M. Tronsky*, ed. by N.N. Kazanskii. St. Petersburg: ILI RAN Publ., 2022, pp. 911–923. (In Russian)
- Paribok, A.V. & Pskhu, R.V. “Vedushchiye filosofskiye traditsii Evrazii; lingvokul’tural’nyy podhod” [Leading philosophical traditions of Eurasia according to linguocultural approach], *Ot sravnitel’noy k mezhkul’turnoy filosofii* [From comparative philosophy to intercultural philosophy], ed. by M.S. Stepanyants. Moscow: Nauka Publ., 2022, pp. 338–348. (In Russian)
- Pruzhinin, B.I., Lektorsky, V.A., Boroday, S.Yu., Kasavina, N.A., Konev, V.A., Mikhailov, I.F., Pavlov-Pinus, K.A., Paribok, A.V., Pskhu, R.V., Ryskeldiyeva, L.T., Smirnov, A.V. & Solondaev, V.K. “Kontseptsiya ‘logiki smysla’ A.V. Smirnova i filosofiya soznaniya (materialy ‘kruglogo stola’)” [The A.V. Smirnov’s Concept of ‘Logic of Sense’ and Philosophy of Consciousness (Proceedings of the ‘Round Table’)], *Voprosy filosofii*, 2022, Vol. 6, pp. 5–44. (In Russian)
- Randle, H.N. *Indian Logic in the early schools*. London: Oxford University Press, 1930.
- Shokhin, V.K. (tr.) *N’yaya-sutry. N’yaya-bkhash’ya* [Nyāyasūtras. Nyāyabhāṣya]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2001. (In Russian)
- Stcherbatsky, Th. *Buddhist Logic*, Vol. 1–2. Delhi: Motilal Banarsidass Publ., 1993.
- Stcherbatsky, Th. *Teoriya poznaniya i logika po ucheniyu pozdneysih buddistov* [Theory of cognition and logic according to the doctrine of later Buddhists], Pt. I–II. St. Petersburg: Asta-press, 1995. (In Russian)
- Vattanky, J. *A System of Indian Logic. The Nyāya Theory of Inference*. New York: Routledge-Curzon, 2003.